

Как духовно-теоретические, так и практически-духовные способы освоения действительности ориентированы на получение всеобщего, общезначимого содержания, которое добывается всеми видами человеческой деятельности. Это всеобщее содержание можно представить, на наш взгляд, в форме общекультурной картины мира. Однако роль духовной и научной компоненты в данной картине все же различна.

Ведь, если общее, получаемое наукой, абстрактно и частно не совпадает с формами самой жизни, то общее в искусстве и нравственности является чувственно-конкретным. Поэтому задача концептуализации понятий духовного и духовности, проблема их последовательного вписания в общекультурную картину мира является весьма сложной, но и в то же время многообещающей темой философского исследования многих явлений культуры.

В.Н.Сыров
г. Томск

СТАТУС ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ФИЛОСОФСТВОВАНИИ

Тему традиции по праву можно считать ключевой в современном философствовании. Под традицией в данном случае понимается вся совокупность знаков в их значении (идеи, проблемы, методы, ценности и т.д.), которую застаёт любой индивид к моменту своего обитания в культуре. Соответственно полемика по поводу доли новации и традиции имеет определенные философские основания. Продуктивное ее обсуждение становится возможным лишь посредством помещения проблемы в контекст истории философии. С известной долей условности в качестве антагонистов мы можем рассмотреть фигуры Р.Декарта и Г.Гегеля. Очевидно, что декартову процедуру радикального сомнения можно рассматривать как тотальное отрицание всей совокупности предания.

Знаменитый гегелевский тезис о разумности действительности выглядит прямой противоположностью декартову сомнению. Важна основная интенция: многообразное, данное в опыте, следует оправдать, и оправдание оно получает, будучи превращенным в форму явленности идеи. Можно заметить, что проблема оправдания предания переформулируется в проблему соотношения многого, как данного в чувственном опыте, и единого как условий синтеза многообразного. Решением выступает диалектическое развертывание многого из единого и возвращение к последнему в форме наполненности богатством определений. Таким образом традиция как богатство форм явленности идеи становится оправданной и более не требует рефлексии.

Идея мира как представления определяет характер европейского философствования от Бэкона и Декарта до нач. XX в. Представлением оказывается вся сфера данного и могущего быть данным чувственному опыту. Мыслимое как частичность и неадекватность явленности вещи, оно требует доведения до единства, чтобы превратиться в достоверное знание. Но такое единство достигается только полаганием мирового целого в силу принципиального устройства чувственного опыта.

Единственно, что коль все является представлением, то ничто не может претендовать на привилегированное положение. А поскольку в основу многообразия представляемого полагается единство вещи самой по себе, то любое представление следует мыслить в равной степени ей причастным. Очевидно, что в рамках подобной традиции возможно либо тотальное отрицание или столь же тотальное оправдание, иначе возникает та парадоксальная ситуация, в которой оказалось в дальнейшем деление на т.н. "Науки о духе" и "науки о природе"

Преодоление тотальности подобной оппозиции возможно только при смене философских оснований. Такой поворот означает признание своей принципиальной обусловленности преданием, а значит невозможности выхода за его пределы. Это не возвращение к додекартовой позиции. Это отказ от необходимости подвергать радикальному сомнению всю сферу предания, т.к. само сомнение оказывается обусловленным и ведет к нигилизму, что в более широком контексте было показано Ф.Ницше. Но принципиальный урок европейского философствования состоит в призывании традиции единственным объектом анализа, поскольку уже деятельность Декарта показывает, что человек имеет дело не с миром самим по себе, а с областью собственных представлений. Последняя же вполне подвластна обработке. Поэтому решающими становятся процедуры работы с преданием.

Связь страдания и проблематизируемого фрагмента традиции не следует понимать в духе прагматизма XIX в., когда связь представлений мыслится обусловленной чувством удовольствия и страдания. Скорее ее следует истолковывать в смысле учения о нравах, как той сфере предания или сфере конкретного по Гегелю, что выступает фактическим регулятором поведения людей. Самопонятность части предания также не означает психологизации познавательных процедур. Апелляция к самопонятному выступает условием возможности реализации той или иной последовательности действий по получению достоверного знания. Это значит, что проблематизация любой, до этого полагавшейся как очевидная, сферы может осуществляться только согласно данной схеме, т.е. апелляцией к другому самопонятному. Согласно тому же учению о нравах данным с очевидностью выступает и сфера интерсубъективного, например, в политике принципы демократии.

Принцип фрагментарности позволяет прояснить связь выделенных элементов структуры предания. Страдание есть отсутствие связи или рассогласование между фрагментами. Преодоление страдания осуществляется за счет их связи, а точнее помещение в новый контекст. Откуда это рассогласование, если традиция так или иначе должна представить собой связь? Значит речь должна идти о различии контекстов, внутри которых находится проблематизируемый фрагмент традиции. Захватывание же его происходит в силу сокрытия одинаковостью знака множественности значений и непроясненности контекста употребления знака. Отсюда анализ проблематизированного фрагмента традиции приобретает новые аспекты, а в частности необходимость экспликации контекста употребления, вызывающего у нас страдание, и обращение к истории как сфере причин, породивших то содержание, что определяет нашу неудовлетворенность, с целью их устранения.

В известном смысле можно утверждать, что благодаря смене философских оснований разум наконец-то обрел процедуры идентификации, позволяющие отделиться от мифа и религии и, как это не парадоксально, связанные именно с переработкой сферы предания или традиции.

Н.И.Журавлева
г. Екатеринбург

МИФ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИСТИНЫ

Еще в начале века Освальд Шпенглер, по-видимому, не без вызова, заявил, что признавать следует либо все истины сразу, либо ни одной. К концу столетия эта мысль из почти парадоксальной делается все более привычной и приемлемой. Но возросшая толерантность общества опирается на более широкое основание, чем простое изменение этических установок, уже само по себе свидетельствующее об изменении мировосприятия в целом.

Среди причин этого можно назвать и происходящую культурологию знания: истолковывая мир, мы прежде всего выговариваем самих себя, самое объективное представление указывает на тот культурный контекст, в котором оно возникло.

Наука все чаще предстает всего лишь одним из способов описания мира, лишь его версией, наряду с религией и мифом. В этом случае понятие миф приобретает ключевое значение. В мифе, преодолевающим оппозицию истины и лжи, видится уникальный инструмент мироконструирования. Призывы к демифологизации (не менее частные в XX веке, как и призывы к обратному) не ведут к возрождению Объективной Истины, освобожденной от исторических искажений прежде всего благодаря самой демонстрации мифологических оснований современной культуры. Осознание мифологических основ своей национальной культуры и самого мировосприятия приводит к мысли о множественности и равноправии истин, представленных не только в экзотичных образах Другого (другой культуры, другой сексуальной ориентации), но и многообразием реальности.

Л.Н.Аркавенко, Ю.В.Егоров
г. Екатеринбург

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ПЕДАГОГИКИ

В отечественной педагогике базовыми ценностями индивида считаются знания, умения и навыки /ЗУН/, которые рассматриваются как критерии развития личности, но ориентация педагога только на уровень ЗУН не может дать объективной и полноценной информации об уровне развития личности, тем более об уровне ее культуры. Принцип ЗУН допускает существование равновесного взаимоотношения между потоком информации, отражающей достигнутое состояние культуры и цивилизации общества, и педагогическими национальными программами. Иными словами, педагогика, стоящая только на почве ЗУН /если